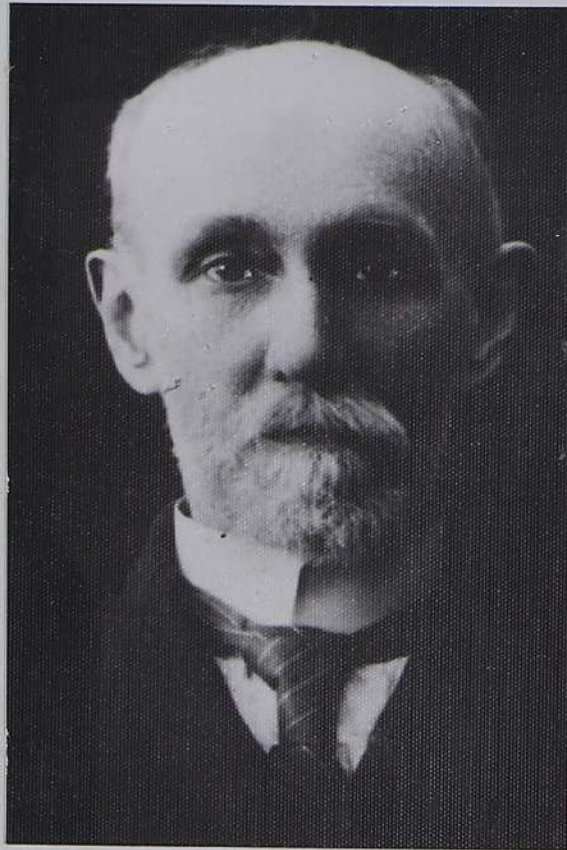

В 1964 году вся наша страна, все прогрессивные силы мира отмечали историческое событие - XX годовщину снятия блокады немецко-фашистскими войсками города Ленина. Партийная и профсоюзная организации и сотрудники Ленинградского Отделения Института Народов Азии АН СССР на личные средства изготовили мемориальную доску, посвященную светлой памяти сотрудников Института востоковедения АН СССР, погибших на фронтах Великой Отечественной войны и в дни блокады Ленинграда.

Готовясь к знаменательной дате 50-летию Великой Октябрьской Социалистической революции, партийное бюро ЛО ИНА приняло в 1965 году решение: в дополнение к мемориальной доске составить "Памятную книгу" и привлечь к участию в её составлении сотрудников Отделения и других учреждений, знавших погибших ученых.

На этот призыв партийной организации горячо откликнулись коллеги, работавшие вместе с теми, чьи имена золотом высечены на мемориальной доске, а также и молодые ученые. Так возникла эта книга, рассказывающая о людях, их труде, мужественном поведении в тяжелые годы войны и достойно выполненном ими долге.

К О К О В Ц Е В
П А В Е Л К О Н С Т А Н Т И Н О В И Ч
(1861-1942)

1-го января 1942 года, на 81-м году жизни, скончался академик Павел Константинович Коковцов. Ушел старейший востоковед Союза, по праву занимавший место в первых рядах ученых всего земного шара. Немного имен может сопоставить восточноведная наука с его именем. Академик П.К. Коковцов принадлежал к числу ученых, завоевавших русской науке мировую славу.

Родился Павел Константинович 19 июня 1861 года в Павловске под С.-Петербургом.

Павел Константинович учился дома, потом в 1-ой С.-Петербургской гимназии, курс которой он окончил с золотой медалью в 1880 году. Языками он увлекся с гимназических лет, хорошо овладел греческим и латинским, а в 8-м классе выучил древнееврейский алфавит. Убеденный сторонник классического образования, он утверждал, что знание языков создает необходимую базу общих сведений и расширяет горизонт. По окончании гимназии, осенью, он поступил в С.-Петербургский Университет, на восточный факультет, делившийся на разряды. Он занимался на еврейско-арабско-сирийском разряде и, кроме того, слушал лекции на арабско-персидско-турецко-татарском разряде и занимался санскритским языком. В студенческие годы был заложен глубокий фундамент тех знаний, которые Павел Константинович настойчиво, учердно, жадно собирал в течение всей своей жизни.

Павлу Константиновичу было предложено остаться при Университете для приготовления к профессорскому званию по кафедре еврейско-сирийско-халдейской словесности, чему способствовал и В.Р. Розен, проявивший большое внимание к молодому, талантливому семитологу. Между 1884 годом, годом окончания Университета, и 1893 годом, годом защиты диссертации, жизнь Павла Константиновича протекает в углубленной работе над диссертационной темой, к которой он широко привлекал все новые материалы, умножая свои знания.

С января 1894 года Павел Константинович приступил к чтению лекций в Университете в качестве приват-доцента. В 1900 году он был назначен экстраординарным профессором, в 1912 году ординарным профессором кафедры еврейской, сирийской и халдейской словесности. Начав с преподавания еврейского и сирийского языков, он продолжал эти лекции в течение многих десятков лет. Простой перечень курсов, которые он читал, может дать представление о том, как полно он охватывал семитологию, в каких различных областях работал и учил. Его преподавательская деятельность охватывала чтение и толкование Библии, распространялась на семитическую эпиграфику, арамейские папирусы, мидраши, средневековые тексты. Курс "Введение в семитологию" был поставлен на филологическом факультете, и в 1907-1908 г. вел его Павел Константинович. Его интересовала и ассириология, в 1909-1910 г. он читал на восточном факультете соответственный курс, к которому неоднократно возвращался в дальнейшем. К числу его излюбленных курсов принадлежали чтение и толкование книги Исаяи и книги Иова. Поражала та особая манера, с которой он переводил так хорошо знакомый ему библейский текст, подыскивая все новые выражения и эквиваленты, умножал объяснения, отказывался от собственных вариантов, чтобы дать иные, еще более тонкие и совершенные. Комментарий его был свободным, интересным, живым, включавшим не только точные филологические соображения, но и глубокое понимание текста, его философское и историческое истолкование. До чего доходило скрупулезное отношение Павла Константиновича к его научной работе, говорит тот факт, что выросшие из его университетского курса толкование на книгу Иова, так и не было опубликовано им при жизни, он находил все новые и новые поводы для того, чтобы отложить эту работу и затем вновь к ней возвратиться, добавить, изменить. Он считал, что работа должна достигнуть совершенства, прежде чем быть опубликованной.

Наравне со своей личной научной работой, Павел Константинович увлекался и университетской деятельностью. Его лекции не привлекали внешней стороной, блеском или совершенством, но их глубина, исключительная обдуманность, тщательность обработки не могли пройти незамеченными и для начинающих студентов.

Академик П.К. Коковцов воспитывал учеников на своей филологической работе, давал им общее направление. Но Павел Константинович не указывал тем, не задавал их своим ученикам, предоставляя им выбирать их самим. Радуюсь их успехам он, просматривая работу, вышедшую из печати, взглядом сурового критика, указывал на ошибки, недочеты, спорил, но скупые слова одобрения из его уст были дороже многих других похвал.

Интерес к археологии и эпиграфике выразился в целом ряде статей о мозаиках Нираба, о надписях и древностях из Пальмиры. Внимание П.К. Коковцова к рукописным фондам возникло очень рано, с первых шагов его деятельности. В 1889 году им была составлена "Заметка об эфиопских рукописях Импер. С.-Петербургской Публичной Библиотеки" (ЗВО IV т. 1889). К тому же времени, однако, определилась специальная склонность Павла Константиновича к занятиям еврейско-арабской литературой. Основной его труд, его диссертация, была в известной мере сенсацией в ученом мире. "К истории средневековой еврейской филологии и еврейско-арабской литературы. I. Книга сравнения еврейского языка с арабским Абу-Ибрагима (Исаака) Ибн Баруна, испанского еврея конца XI и начала XII века" (СПБ 1893, VI, 158; IV, 100) вызвала рецензии крупнейших семитологов того времени - Бахера, Деранбура, Нейбауера.

В 1897 году он поместил в "Сборнике статей учеников профессора В.Р. Розена ко дню 25-летия его первой лекции 1872-1897" (стр. 97 - 168) статью "Толкование Танхума из Иерусалима на книгу пророка Ионы". Автор толкования, живший в половине XIII в., дал экзегезу аллегорически философского характера, книга Ионы, как и другие библейские книги, понималась им в прямом и в переносном, символическом смысле. Текст был найден П.К. Коковцовым во 2-м собрании Фирковича в Публичной Библиотеке и в Оксфордской рукописи (*Ms. Pos. 344*) Библиотеки Бодлеяны. К тексту приложен превосходный русский перевод и многочисленные подстрочные замечания. К этой же группе работ относится и статья - "Из книги беседы и упоминания (Китаб ал Мухдара вал Музакара) Моисея Ибн Эзры", опубликованная в 1895 году, как и другие мелкие заметки, о еврейско-арабских рукописях Публичной Библиотеки. Это направление исследований Павла Константиновича можно считать основным, оно наиболее глубоко и длительно определило его научное творчество.

Его диссертация остается образцом филологических исследований и до настоящего времени, как исключительная по своему методу, точному и совершенному, по эрудиции, заслуживающей удивления.

П.К. Коковцов принадлежал к числу тех ученых, которые поддерживают мировые связи.

В разное время своей жизни Павел Константинович посетил Францию, Германию, Англию, путешествовал по Греции, куда его привлекли Афины и Парфенон. В Константинополе непередаваемая красота Ая Софии и Золотой Рог оставили по себе впечатления на всю жизнь.

С именем П.К. Коковцова связаны исследования группы древних арамейских памятников. В статье "Древне-арамейские надписи из Нираба" (СПБ 1899) он предложил новое и весьма удачное чтение непрерывного письма (*scriptio continua*) этих замечательных надписей (стр. 153, 158, 169) и датировал их VII в. до н.э. Тщательному исследованию Кафр-Кеннской мозаичной надписи он придавал большое значение, как найденной в Галилее. Язык этих памятников давал основания для их сближения с галилейско-арамейским диалектом, представляющим выдающийся научный интерес. ("Мозаика с еврейской надписью, найденная в Кафр-Кенне. Известия Православного Палестинского Общества" т. XIII, 2, № I).

На долю П.К. Коковцова выпала удача издания арамейских надписей из Пальмиры, неизвестных до того времени. Он дал им всестороннюю характеристику с точки зрения художественной оценки памятников палеографии, языка. Хорошая сохранность надписей помогла восстановить историю крестообразной катакомбы, из которой они происходили. Катакомба переходила в собственность от одних лиц к другим и относится, по мнению издателя надписей, ко II в. до н.э. (стр. 21) (Новые арамейские надписи из Пальмиры. Известия Русского Археологического Института в Константинополе, т. VIII, 3, София, 1903, стр. 23-26). Это направление исследований было продолжено в статье "К пальмирской археологии и эпиграфике" (Известия Русского Археологического Института в Константинополе, т. XIII, София, 1908 г.), где П.К. Коковцов дал описание пальмирских рельефов и их надписей, представляющих собою погребальные изречения.

Работы Павла Константиновича по археологии и эпиграфике связали его не только с Русским Археологическим Обществом, но и с Эрмитажем, где, как известно, собрана первая и лучшая коллекция пальмирских древностей. Приобретение русским правительством для Эрмитажа Пальмирского тарифа было произведено по специальной записке П.К. Коковцова. Он задумал издание этого единственного в своем роде памятника и с большим тщанием сам подготовил к печати превосходные фототипии. Издание тарифа в целом, с его греческим и арамейским текстами не было, однако, осуществлено, так как он долго с ним медлил; его успел опередить Клермон Ганно, опубликовавший эту замечательную пальмирскую надпись.

Найденный академиком Н.Я. Марром палимпсест, верхний слой которого был грузинским, был прочитан П.К. Коковцовым в нижнем слое, древнееврейском, и издан как "Еще один рукописный фрагмент Иерусалимского Талмуда" (1899 г.).

Замечательно было и другое издание, осуществленное П.К. Коковцовым, сиро-палестинские фрагменты, обнаруженные им в коллекции Порфирия Успенского, в Публичной Библиотеке. Этой публикацией издатель справедливо гордился, утверждая, что редчайшие остатки сиро-палестинской литературы ценятся на вес золота. Значение его находки увеличивалось еще тем, что найденные им листы не были палимпсестами, как большинство сиро-палестинских фрагментов. Транскрипция текста дана еврейским алфавитом, кроме французского перевода приложен еще и греческий, так как издатель предполагал, что томилия, отрывок которой находится в его руках, представлял собою перевод с греческого, неизвестного ему текста. Критика чрезвычайно положительно отзывалась о "**Nou-veaux fragments syro - palestiniens**", а их превосходные фототипии заставили высказать одного из рецензентов мнение, что утеря подлинника после издания П.К. Коковцова не могла бы иметь значения.

Упомянутое издание входит в круг его исследования в области сириологии. В 1902 году под его редакцией была опубликована "История сирийской литературы" Райта в русском переводе, сделанном К.А. Тураевой, с примечаниями, ценными библиографическими и другими дополнениями, которые были даны им. Такое пополненное издание Райта не потеряло

своего значения и до настоящего времени, когда настольной книгой сириологов стала история сирийской литературы Баумштарка, изданная в 1922 году.

Широкий кругозор и знание многих восточных языков позволили П.К. Коковцову осуществить такую трудную работу, как чтение сиро-турецких надгробных надписей, найденный в Семиречье, близ Пишпека и Токмака. В этом случае он продолжил работу своего учителя, проф. Д.А. Хвольсона, впервые опубликовавшего сиро-турецкие надписи надгробий с берегов Иссык-Кульского озера. Надписи, изданные русскими семитологами, привлекли к себе внимание ученых, как свидетельство глубокого проникновения сирийской культуры несториан в среду народов, населявших Среднюю Азию.

В статье "К сиро-турецкой эпиграфике Семиречья" П.К. Коковцов подробно остановился на истории открытия этих памятников (Известия Императорской Академии Наук 1909 г., стр. 773-776) и дал исключительно интересный анализ способа транскрипции турецкого языка семитическим алфавитом (стр. 777-781). Текст сиро-турецких надписей, был им дан в транскрипции, с русским переводом и снабжен превосходным комментарием (стр. 782-796). В другой статье "Новые надписи из Алмалыка", он продолжил эти исследования, развернув в полной мере свою замечательную эрудицию.

В 1903 году П.К. Коковцов был избран в адъюнкты Академии Наук по литературе и истории азиатских народов, а в 1909 году в действительные члены Академии.

Широкие интересы П.К. Коковцова привели его к работам, связанным с историей и литературой народов СССР. В 1912 году в статье "К вопросу о логике Авиасафа" он указал на подлинник древне-русского текста этой замечательной логики.

Последние работы П.К. Коковцова были связаны с источниками по истории хазар. Еще в 1913 году он заинтересовался кругом этих вопросов и опубликовал в Журнале Народного Просвещения заметку "Новый еврейский документ о хазарах и хазаро-русско-византийских отношениях в X в.". Дважды Павел Константинович побывал за границей, в Англии, со специальной целью исследовать еврейско-хазарские рукописи - в Кембридже и Оксфорде. В центре его интересов стояли еврейско-хазарские документы. Он желал сделать сличение рукописи **Christ Church College** 193 из Оксфордской библиотеки с изданным текстом еврейско-хазарской переписки, извлеченной из сочинения XVI в. **Qol Mebasser** Исаака Акриша (стр. 121). В течение месячного пребывания в Англии в 1926 году П.К. Коковцов произвел эту кропотливую работу.

Результатом его длительной работы над памятниками, связанными с этим вопросом, явилась книга "Еврейско-хазарская переписка в X в." (Изда. АН СССР. Ленинград. 1932 г.).

Связанные с историей хазар документы имеют достаточное число исследователей и П.К. Коковцов свел исчерпывающим образом взгляды всех предшествующих авторов на них.

Темперамент Павла Константиновича, о котором быть может многие из его знакомых и не подозревали, наиболее ярко сказался при участии его в процессе Бейлиса, куда он был приглашен в качестве эксперта. Выступление крупнейшего семитолога, человека кабинетного склада и как-будто совершенно оторванного от жизни, лишний раз подтверждает, что самая отвлеченная научная работа, не связанная со злобой дня, если она делается объективно, с должной глубиной, проникновенностью, то нет сомнения в том, что такая научная работа и ее выводы всегда могут иметь решающее значение в неожиданных и весьма ответственных случаях жизни. Дело это имело большое общественное значение, и русское правительство встретило решительную оппозицию и за границей. Выступление тогда Павла Константиновича несомненно было актом большого гражданского мужества и решимости.

Наиболее глубоко и длительно акад. П.К. Коковцов был связан с Академией Наук, в жизни которой он принимал постоянное и деятельное участие, пока его слабое здоровье не послужило тому препятствием.

Ушел Павел Константинович, ушел крупнейший семитолог в широком смысле этого слова, ушел старейший член Академии Наук СССР. Смерть унесла в его лице последнего представителя блестящей плеяды старшего поколения русских востоковедов, к которой принадлежали покойные С.Ф. Ольденбург, Н.Я. Марр, В.В. Бартольд, Б.А. Тураев, Ф.А. Розенберг, рано умерший П.М. Мелиоранский. Это старшее поколение было собственно вторым, принявшим свои знания от В.Р. Розена, О.Э. Лемма, Д.А. Хвольсона. Среди всех этих громких имен, стяжавших мировую научную славу русскому востоковедению, имя П.К. Коковцова занимает почетное место.

Н.В. Пигулевская.